

Бородинское сражение в русской книге 1812–1912 гг.

Книжный раздел выставки сформирован из редких книг фондов Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, Музея-панорамы «Бородинская битва» и Российской государственной библиотеки (НИО редких книг (Музей книги), военный отдел и основное хранение).

Первые попытки выразить впечатления от Бородинской битвы, осмыслить ключевой эпизод Отечественной войны 1812 года появились в печати еще до завершения военной кампании 1812–1813 гг. Среди публикаций есть и труды военных историков, и памятники ораторского искусства, и стихотворные отклики. Написанные современниками, нередко очевидцами или участниками военных событий, эти издания до сих пор интересуют не только для специалистов, но и всех, кому дорога историческая память России. Многие из книг выставки являются физически редкими, доступны только посетителям крупнейших библиотек.

Среди первых биографий М.И. Кутузова выделяется иллюстрированная книгой Ф.М. Синельникова, лично знавшего великого полководца, «Жизнь, военные и политические деяния... М.Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского» (СПб., 1813). Безусловный интерес вызывают труды генерал-лейтенанта Н.А. Окунева (в Бородинском сражении командовал ротой в чине штаб-капитана). В число выставочных изданий вошла его работа «Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года», опубликованная в 1829 г. в Париже на французском языке, и один из ее переводов на русский язык.

Записки русских офицеров, активных участников военных действий, многие из которых отличались незаурядным писательским талантом, представлены «Очерками Бородинского сражения» (М., 1839) Ф.Н. Глинки, «Военными письмами и замечаниями, наиболее относящимися к незабвенному 1812 г. и последующим» (М., 1817) А.А. Писарева, «Разказом артиллериста о деле Бородинском» (СПб., 1837) Н. Любенкова.

Примерами ораторской прозы являются речи видных иерархов русской православной церкви Августина (А.В. Виноградского), Симеона (С. Крылова-Платонова) и анонимно опубликованной в 1813 г. «Речью на воспоминание русских воинов, умерших на поле брани со дня нашествия врагов на Россию до сего времени». С этими публикациями связано зарождение традиции отмечать день битвы как памятный. По благословению Августина 26 августа 1813 г. архимандрит Симеон с духовенством г. Можайска и ближних сел совершил панихиду на поле брани – там, где земля хранила «в недрах своих любезные останки поборников и спасителей Отечества». На выставке демонстрируется публикация «Слова», произнесенного им в первую годовщину Бородинского сражения, в августе 1813 г., во время молебна на Бородинском поле. С тех пор на Бородинском поле ежегодно совершается поминовение русских воинов. В наши дни этот обряд проводят 8 сентября – в День воинской славы России.

Широко представлены ранние стихотворные отклики на Бородинское сражение. Потрясающий российское общество важнейший эпизод Отечественной

войны 1812 года нашел отражение в стихах великих русских поэтов Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, участника сражения поэта и декабриста Ф.Н. Глинки, в произведениях многих менее известных, ныне забытых авторов. Многие из них вошли в изданное уже в 1814 г. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», составленное, предположительно, при участии В.А. Жуковского и пользовавшееся огромным успехом. В экспозицию вошли и многие другие публикации, на долгое время выпавшие из поля зрения читателей и исследователей, но нередко содержащие сюжеты, дополняющие хрестоматийные тексты.

В 1812–1824 г. были опубликованы, в основном в журналах, стихотворения В.Г. Анастасевича, П.П. Лобысевича, Н.Д. Иванчина-Писарева, И.Е. Великопольского, А. Висковатова, В. Маркова. Они являются своеобразным свидетельством эпохи о зарождении особого отношения к Бородинскому полю, содержат темы, мотивы и оценки, предвосхищающие более поздние и более известные произведения.

В 20-е годы XIX в. появились первые опыты воссоздания битвы глазами рядового участника, предвосхищающие не только «Бородино» М.Ю. Лермонтова, но и великие идеи «Войны и мира». Как справедливо замечают историки русской литературы, основное художественное открытие Лермонтова в «Бородино» – «замена авторского повествования сказом бывалого солдата». «В этом освещении исторические события приобретали зримую достоверность, а их оценка получала значение оценки народной.<...> Народ как движущая сила истории и патриотизм как сила, объединяющая нацию в несокрушимый монолит, – такова поэтическая идея “Бородина”, послужившая, по собственному признанию Л.Н. Толстого, зерном для “Войны и мира”»¹

По мнению А.С. Пушкина, «из всех наших поэтов, Ф.Н. Глинка, может быть, самый оригинальный». Это мнение вполне подтверждают написанные Глинкой в 1813–1818 г. «военно-исторические песни или романсы», которые он «старался приспособить к любимым песням народным». Они вошли в книгу «Подарок русскому солдату» (1818). Лучшая из них, «Песнь сторожевого воина пред Бородинскою битвою», была опубликована также в «Журнале древней и новой словесности». Участник сражения, Глинка создает не просто образ человека из народа, но человека-воина, органично ощущающего себя частью великого целого: «Славян сыны! Войны сыны! / Не выдадим Москвы! / Спасем мы честь родной страны, / Иль сложим здесь главы! .. / Уж гул в полях, уж шум слышней! / День близок роковой... / Заря светлей, огни бледней... / Нас кличет враг на бой! / Идет на нас, к нему пойдем / В широкие поля;/ Прими ты нас, когда падем, / Родимая Земля. ... Тебе, наш край, тебе, наш Царь! / Готовы жизнь принести: / Спасем твой трон, спасем алтарь, / Отчество и честь!».

Итак, уже у Глинки возникает это «мы», позднее прозвучавшее и у Лермонтова («И умереть мы обещали»). Обращает на себя внимание отсутствие чувств ненависти, мести, тихий стоицизм, твердая уверенность в необходимости выполнить воинский долг. Бородино фигурирует как поле чести. Это важный и постоянный мотив многих других стихотворений, посвященных Бородину. Глинка во многом опередил свое время в описании народной войны. В его поздних произведениях, как поэтических, так и прозаических, возникает еще более выразительный образ растревоженной войной народной стихии: «О, как душа заговорила! Народность наша поднялась: / И страшная России сила / Проснулась, взвихрилась, взвилась!».

В стихотворных публикациях тех лет возникает образ старца, рядового участника сражения, много лет спустя после битвы приводящего на поле своих детей или внуков. Одной из них является «Надпись на поле Бородинском» поэта-эссеиста, цензора Московского почтамта Н.Д. Иванчина-Писарева, изданная в 1813 г.: «Стой Росс! Ты подошел к полям Бородина! / Здесь грозные лежат полки надменна Галла... / Здесь робко на поле иноплеменник взглянет / И мимо сих холмов со страхом поспешит; / Но Росс здесь мощь свою и славу вспомянет, / И скажет с гордостью: “Кто Русских покорит?”» И далее: «Сюда придет старик и внучат за собою / С благоговением как к храму приведет. / “О дети! слушайте!” / И повестью простою / В их юные сердца жар доблестный прольет». Итак, Бородинское поле уже в 1813 г. воспринимается как место памяти, чести, как храм.

В стихотворении профессионального военного и военного историка А.В. Висковатова «Бородино» опубликованном в 1822 г., также возникает образ «старца», но предающегося воспоминаниям в одиночестве: «В глубоку думу погружен, / Простря свой взор в туман далекий, / Сидел от дряхлости согбен, / Под древом старец одинокий. / Вкруг старца тихо, все молчит... / Пред ним – могильные курганы; / У ног разбитый шлем лежит, / И в ржавчине оружия бранны... Ты вестник славы нашей был, / День Россам вечно-незабвенный! / И путь к спасенью проложил / Для нас от власти чужеземной». «Поля, холмы Бородина! / Для чад пребудете отдаленных / В веков грядущих времена, / Как обелиск побед свершенных».

В этих стихах снова звучит тема славы, тема воинской чести и, главное, тема памяти, уже перерастающая в тему памятника, мемориала, причем именно само поле воспринимается как памятник: «поля, холмы Бородина... как обелиск».

В другом стихотворении того же юбилейного года «Чувства при виде Бородинского поля» И.Е. Великопольского упоминаются уже именно памятники: «Приветствую тебя, о место славных дел! Бородино! и вас окружные дубравы!». «Здесь все Отечества о славе говорит / И гордый дух его геройством наполняет! / Здесь все имеет жизнь, язык имеет свой, / Повсюду виден след протекшей бранной силы: / Тут мхом поросший ров, там черные могилы, / А там над нивой золотой, / Как вечный страж равнины боя, / Белеет памятник, став гордою стопой / Над прахом павшего героя».

К слову «памятник» автор сделал следующее примечание: «На месте сражения видны два памятника, поставленные в честь убитых генералов, которых имен проводник мне сказать не мог. На ближнем, небольшом и недоконченном, нет никакой надписи, к дальнему же я не имел времени подойти». Итак, на поле уже в 1822 г. стоят памятники, а не братские могилы, а его посетителям предлагают свои услуги проводники.

Какие памятники мог видеть автор стихов? Как отмечает А.В. Горбунов, «после захоронения и сожжения зимой 1812–1813 гг. останков воинов обеих армий на Бородинском поле появилось не менее пятисот братских могил.<...> Самый ранний памятный знак зарисован и описан в 1814 г. английским художником Джеймсом в районе северной флешы. Это “доска, отмечающая место, где погиб храбрый генерал Монбрен с памятным текстом в его честь, написанным чернилами, которая установлена сразу после сражения герцогом Данцингским”¹¹. Великопольский мог видеть и две церкви, в том числе Спаса Нерукотворного, в 1820 г. уже построенную М.М. Тучковой на месте гибели

мужаⁱⁱⁱ. Стихи – свидетельство ранней, видимо, еще достаточно стихийной музеефикации поля – «мемориализации» в терминологии современных специалистов^{iv}.

Но поле предстает как храм, как памятник воинской славы, исторической памяти не только в стихотворных произведениях тех лет. Тема памяти и памятника применительно к Бородинскому полю прослеживается и в прозаических словах, произнесенных и опубликованных в первые годы после сражения. Например, в «Речи на воспоминание русских воинов, умерших на поле брани со дня нашествия врагов на Россию до сего времени»: «Кто из россиян не пожелает, чтобы над могилами Бородинских героев сооружен был храм, куда бы из дальних краев стекались благодарные россияне, вспоминать защитников своих и молиться о них Царю Царей?».

Таким образом, все, что почти 200 лет происходило и происходит на Бородинском поле, – это проявления глубочайшей, тончайшей общественной потребности, национальной идеи, предельно четко сформулированной уже в первое десятилетие по завершении военных действий.

Посвященные Бородинской битве стихи были написаны не только в годы великих мировых событий, но и в переломный момент развития русского литературного языка и русской литературы, в них нашли свое отражение жанрово-стилистические поиски предпушкинской поэзии, сопровождавшиеся дискуссиями «архаистов» и «новаторов».

Разумеется, Бородинское сражение нашло свое отражение в произведениях и тех и других, причем читающая публика сходится с современными исследователями в том, что общественный настрой 1812 г. получил самое совершенное выражение в стихотворении В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Поэту-«новатору», участнику Московского ополчения, в день битвы находившемуся в резерве, удалось создать произведение, «органично сочетавшее мотивы войны и мира, элегическую скорбь по погибшим и торжественный гимн героям»^v. Стихотворение, пользовавшееся необыкновенной популярностью, в течение нескольких месяцев 1813 г. было издано дважды. На выставке представлено второе издание, дополненное прозаическими примечаниями Д.В. Дашкова и виньетками, сделанными по эскизам А.Н. Оленина.

Единство певца и хора в стихотворении Жуковского создавало ощущение общенародного, общенационального подъема. Однако, как отмечали некоторые исследователи, прямого упоминания народа в нем нет^{vi}. Яркий образ народной войны возникает у Жуковского только в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в 1839 г. под впечатлением от участия в открытии Бородинского музея: «Как ярилась, как кипела, / Как пылала, как гремела / Здесь народная война / В страшный день Бородина!». В экспозицию включено не только первое издание этого текста, но и другие, менее известные публикации, также связанные с торжествами 1839 г.

Выпуклый и яркий, хотя несколько отстраненный образ народа, победителя в Отечественной войне 1812 года, находим в «Гимне лироэпическом на прогнание французов из Отечества 1812 года» Г.Р. Державина: «О россы! О доблестный народ... / По мышцам ты неутомимый, / По духу ты непобедимый, / По сердцу – прост, / По чувству – добр, / Ты в счастье – тих, в несчастье – бодр». В «Гимне» звучит мощная державинская интонация: «И небо и земля тряслись / На Бородинском поле страшном, / На

Малоярославском, Красном». Это редчайшее издание также представлено на выставке.

Представлены на выставке и первые попытки создания эпического батального полотна о Бородинской битве, опубликованные уже в 1813 г. Это «эпическая песнь» «Сражение при Бородине» Д.П. Глебова и поэма «Наполеон в России» Н. Телепнева.

В обеих поэмах яркие и выразительные картины Бородинского сражения соседствуют с карикатурными образами врагов. Оценки итогов сражения как безусловной победы излишне прямолинейны («Сражение кончилось – и Россы победили» (Телепнев), «И храбрый Росс всем полем овладел» Глебов)). Русские поэты, как правило, проявляли удивительный такт, уходя от прямых оценок Бородинской битвы, подчеркивая прежде всего его масштаб, его нравственный итог. Позже эту мысль с кристальной четкостью сформулируют и М.Ю. Лермонтов («Мир не видал таких сражений»), и Ф.Н. Глинка («В минувшем нет таких походов»), и П.А. Вяземский («Никогда еще в подлунной не кипел столь страшный бой»). Во многих стихотворениях звучит также мысль, что русское войско не отступило перед превосходящими силами противника: от неуклюжего «В сей битве лютой и кровавой, / Хоть враг имел сугубо войск; / Но Росс отъял победу с славой, / Явя свой древний дух геройск» (Лобысевич) до горьких строк Н.М. Карамзина: «Лежат храбрейшие рядами; / Поля усеяны костями; / Все пламенем истреблено. / Не грады, только честь спасаем!.. / О славное Бородино! / Тебя потомству оставляем / На память, что России сын / Стоит против двоих один!..» («Освобождение Европы», 1814).

С тем же тактом рисуются картины поистине ужасной и кровавой битвы. «Кровоогненные реки», текущие по страницам некоторых стихотворений, скорее исключение, чем правило. В тоже время битве, повлекший огромные людские потери с обеих сторон, ставшей личной трагедией для тысяч семей, посвящены исполненные пронзительного лиризма строки стихотворений об утратах родных и близких: «Уже ль и ты... и ты / Упал во смертну мрежу! / Ужель и на твою могилу свежу / Печальны допустил мне рок бросать цветы...» (А. Бунина «На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26», опубликованное в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»).

Особое место нашло в русской поэзии отражение эпизода, согласно которому при первом знакомстве с армией в Царевом-Займище либо при осмотре позиций накануне Бородинского сражения над головой М.И. Кутузова парил орел: «с быстротою молнии во все концы обширной России разнеслась весть, будто бы в самое то время огромный орел вознесся над головою Кутузова, сопровождая его при объезде лагеря. Это событие, действительное или вымышленное, осталось в народных преданиях»^{vii}. А.А. Елисеев собрал и проанализировал семнадцать упоминаний об этом эпизоде, однако тема далеко не исчерпана^{viii}.

Слух нашел свое отражение не только в мемуарной литературе. 4 сентября 1812 г. в газете «Северная почта» был напечатан отрывок «партикулярного» письма из Главной квартиры от 26 августа: «Третьего дня сражение героев; вчера малозначащие сшибки; сегодня опять сражение героев...земля дрожит за 18 верст. Подробности узнаете вы из реляций, посылаемых из армии; но я расскажу вам только, что в самый первый день,

когда главнокомандующий наш ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головою: князь Михайло Ларионович снял шляпу, и все воскликнули тогда, ура! Где Россы, подобно Римлянам, идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними».

Полулегендарный, но потрясший современников эпизод, имевший в их глазах глубокое символическое значение, не только произвел огромное впечатление на офицеров русской армии, но и послужил источником вдохновения для русских поэтов. Уже 31 августа 1812 г. Г.Р. Державин написал «Оду по случаю парения орла над российской армией, под предводительством князя Кутузова при селе Бородине, 1812 года в августе» (СПб., 1812). Первое издание оды столь редко, что у организаторов выставки не оказалось возможности его представить. Стихотворение, в котором Державин восклицает: «Се знак: – мы победим врагов. / Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов! / Коль над тобой был зрим орел, / Ты верно победишь французов», было известно Кутузову. Еще не прочитав его, в письме от 7 декабря из Вильно полководец принес автору «чувствительную благодарность», а незадолго до смерти, 30 марта 1813 г., писал: «Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем “На парение орла” прямо на мой счет, но произведение ваше... имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви»^{ix}.

Тот же орел витает над головой великого полководца и в стихотворении Жуковского «Певец в стане русских воинов». Эти строки более известны «Хвала тебе, наш бодрый вождь, / Герой под сединами! / Как юный ратник, вихрь, и дождь, / И труд он делит с нами. / О, сколь с израненным челом / Пред строем он прекрасен! / И сколь он хладен пред врагом / И сколь врагу ужасен! / О, диво! Се орел пронзил / Пред ним небес равнины... / Могущий вождь главу склонил; / Ура! Кричат дружины. / Лети ко прадедам, Орел, / Пророком славной мести! / Мы тверды: вождь наш перешел / Путь гибели и чести». В примечании Д.В. Дашкова сообщается: «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы: знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею погибели врагов наших».

В стихах и менее известных поэтов М.И. Кутузова сопровождает орел, придавая неожиданные и яркие краски образу великого полководца. В ноябре 1812 г. была опубликована «Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине, в августе 1812» за подписью «К. – З. – кий. Тверь нояб. 8 1812». Упоминание этого эпизода находим и в других публикациях 1813 г., в том числе в представленных на выставке поэмах Глебова и Телепнева и в стихотворении Н.Д. Иванчина – Писарева «Надпись на поле Бородинском».

Подробнее и ближе к газетной публикации Телепнев: «На коне зрится муж, украшен сединами; / В сияньи звезд своих явился пред полками. / Со громом Небеса над ними растворились, / Среди солнцев множества, чем горнии светились, / Парит в величестве Юпитеров Орел; / Вкруг воина главы он трижды облетел! - / Почтенный старец вдруг Орла сего узнал, / Стоборника себе в котором обретал; / Поспешно шляпу он с седой главы снимает./ Орел воззрел в лице – и кверху отлетает; / Взвился среди небес, сомкнулись небеса – / Все войско с ужасом глядит на чудеса. / – Кто б был это таков? иные вопрошают. / Питомец Марса то! другие отвечают. – / Древнейший воин наш се

гений битв Кутузов, / Как ветер гонит пыль, он гнал всегда французов». Тень орла сопутствует образу Кутузова и в более поздних стихах («На Бородинские вершины / Седой орел с детьми засел» Ф.Н. Глинки) и в иконографии, но это тема отдельного исследования.

Как отметил великий дипломат и талантливый искусствовед А.В. Чичерин, «все подлинно великое накапливается и создается усилиями многих поколений, усилиями многих мыслящих и чувствующих людей. Известные нам художественные произведения разных эпох – только вспышки вырывающегося наружу, но затаенно вечно живого огня»^x Эти вспышки живого огня несомненны в цитированных текстах.

Торжества 1839 г.

1839 год стал знаменательным для Бородина. В этом году на Курганной высоте (батарея Раевского) был установлен монумент, заложенный еще в 1837 г. У его подножия был захоронен прах П.И. Багратиона. Неподдалеку по указу императора был построен дом для воинов-ветеранов, которые ухаживали за памятником, вели книгу записей посетителей.

В 1839 г. на поле впервые состоялось официальное празднование Бородинской годовщины, связанное с торжественным открытием Бородинского музея и переросшее в событие национального масштаба. На торжествах присутствовали император Николай I и его свита, генералитет, более 200 участников Бородинской битвы.

Рано утром 26 августа 150-тысячное войско было построено колоннами вокруг батареи Раевского. Крестный ход и освящение монумента, орудийный салют, прохождение войск, – все это производило незабываемое впечатление. В течение нескольких дней на поле происходили маневры, воспроизводившие ход боевых действий. Это стало первым опытом военно-исторической реконструкции Бородинского сражения.

На выставке представлены издания, регламентировавшие порядок торжеств: «Положение о сборе войск к открытию монумента на Бородинском поле 26 августа 1839 года» (СПб., 1838), определявшее состав войск, время их сбора, порядок сбора, размещение и другие организационные моменты, и «Росписание войск собранных при с. Бородине» (СПб., 1839).

С торжествами связаны и многочисленные стихотворные отклики. Среди изданий, вышедших в свет, выделяется первое издание стихотворения посетившего торжества В.А. Жуковского «Бородинская годовщина» (М., 1839). Узнав, что накануне многие повторяли строки из его «давнишней песни» – «Певца во стане русских воинов», поэт «воротясь из лагеря, в тот же вечер написал половину... новой Бородинской песни, а на другой день по переезде из Бородина в Москву кончил ее; она была немедленно напечатана; экземпляры отосланы в лагерь, и эта песня была прочитана в армии на празднике бородинского помещика»^{xi}.

Под впечатлением от торжеств, видимо, написаны и представленные на выставке «Бородинские акrostихи» (М., 1839), автор которых Рогов зашифровал свою фамилию в одном из акrostихов («Жертва Рогова»).

Примыкает к этому разделу и книга участника Бородинской битвы А.Н. Марина (1790–1873) «Русские богатыри. Заветная книжка для ратных людей и народа русского. Из походных записок старослуживого солдата» (СПб., 1848).

Поэт не только изложил в стихотворной форме основные эпизоды военной кампании 1812–1813 г., но и описал посещение Бородинского поля вместе со своими детьми, предпринятое, судя по подстрочному примечанию, в 1837 г.: «Вот годы прошли за годами / И в вечность потонут века. / Но тени живот положивших / Сияют во веки веков. / И в храме Спасителя Бога / Свет славы собою зажгли. / А памятник на поле грозный / Расскажет грядущим векам: / Где русские дружно стояли / Противу несметных полков. / Вблизи пирамиды той дивной / Лежит полководец герой. / И путнику старец укажет: / «Тут лег богатырь отдыхать». «Я был на тебе, поле славы, / Недавно ходил по тебе; / И вспомнил то грозное время, / Как бился с врагами на смерть; / И детям указывал место, / Грудь с грудью с врагом где стоял».

Юбилей 1912

Интересен комплекс изданий, иллюстрирующих празднование 100-летия Отечественной войны 1812 года. Задолго для юбилея вся Россия пришла в движение в поисках различных способов достойно ознаменовать вековую годовщину важного исторического события.

Уже 31 октября 1909 г. член Императорского Русского военно-исторического общества Г.С. Габаев сделал доклад «О способах ознаменования столетней годовщины “священной памяти двенадцатого года”». В докладе были намечены три группы мероприятий: 1) создание единичных, большею частью крупных памятников, составляющих достояние всего государства и народа; 2) издание печатных и иных повторяющихся во многих экземплярах трудов и произведений, доступных широкому кругу читателей; 3) устройство юбилейных торжеств. На выставке широко представлены издания, подготовку которых можно рассматривать как реализацию второго пункта программы Габаева. Это исторические труды, календари, путеводители, популярные издания.

Особо следует отметить «1812-й год на Руси», «Бородинский бой» Н.П. Михневича, «Русское духовенство и Отечественная война» К.А. Военского, а также семитомный труд «Отечественная война и русское общество» и пятитомник П. Ниве «Отечественная война». Многие из книг учтены в «Каталоге юбилейных изданий к 100-летию Отечественной войны 1812 г.» (М., 1912).

Среди изданий, с документальной точностью фиксирующих хронологию памятных дней 24–26 августа 1912 г. на Бородинском поле, следует отметить издание «Бородинская битва и ее 100-летний юбилей» (М., 1913) полковника Генерального штаба В.Н. Никольского.

Большой интерес представляют юбилейные календари: «Всеобщий на 1912 год Русский календарь», настенный отрывной «Календарь журнала “Нива”» на 1912 г., «В память столетнего юбилея Отечественной войны. Календарь на 1912 год» с текстом и рисунками по роману «Война и мир» Л.Н. Толстого.

В начале XX в. были подготовлены и изданы первые путеводители по Бородинскому полю. На выставке представлен один из самых ранних «Краткий путеводитель по Бородинскому полю сражения» (СПб., 1902), подготовленный

Е. Новицким. За год до юбилея в 1911 г. был издан «Спутник экскурсанта № 1», задуманный в учебно-просветительских целях и открывающий целый ряд разнообразных путеводителей о Бородинском поле. Предлагая экскурсионный материал, составители выражали уверенность, что «местность первостепенной важности из истории Отечественной войны, несомненно, привлечет к себе в наступающем юбилейном 1912 г. всеобщее внимание».

В 1912 г. были изданы путеводитель А. Балтийского и иллюстрированный путеводитель по Александровской железной дороге, включающий, в частности, сведения об Александровской Московско-Брестской железной дороге и о местах, по которым она проходит.

Названные издания, разумеется, не исчерпывают всего многообразия темы. Объем выставки позволяет представить только самые общественно значимые, нашедшие широкий отклик в русском обществе произведения, так или иначе связанные с Бородинским сражением.

Книги из личных библиотек участников Бородинского сражения

Книги, принадлежавшие участникам Бородинского сражения, составляют самостоятельный и ценный раздел выставки. Ныне эти книги хранятся в фондах редких книг Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и Музея-панорамы «Бородинская битва».

Интерес к истории личных библиотек в настоящее время огромен. Экземпляры книг, имеющих следы принадлежности к крупным личным или общественным книжным собраниям, выявляются и изучаются во многих библиотеках России. Несомненно, книги, некогда принадлежавшие участникам Бородинского сражения, имеют огромную историческую ценность.

Благодаря наличию автографов, владельческих помет и экслибрисов удалось выявить и представить на выставке книги А.С. Талызина, А.А. Закревского, А.Д. Черткова, П.М. Волконского, А.А. Гревса, А.С. Норова, П. М. Капцевича, М.М. Петрова.

Жемчужина раздела – книга с автографом одного из первых историков Отечественной войны 1812 года А.А. Писарева (1780–1848) в виде дарственной надписи боевому сподвижнику, генералу от кавалерии графу А.П. Торماسову. Писарев, участник сражения при Бородине в чине полковника Лейб-гвардии Семеновского полка, подарил Тормасову свою книгу «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим...» (М., 1817, ч. 1).

Экземпляр редкого издания «Чертежи принадлежащие к опыту наставлений касающихся до экзерциций и маневров кавалерийского полка» (Орел, 1804) принадлежал А.С. Норову. Будущий министр просвещения участвовал в Бородинском сражении в чине прапорщика Лейб-гвардии артиллерийской бригады. На книге владельческая запись «Норов». Так Норов еще в юности помечал понравившиеся ему книги в библиотеке отца, которые позже достались ему по наследству. Первая из собранных им библиотек была в 30-е годы XIX в. продана Н.И. Трубецкому, вторую, насчитывавшую 14 тыс. томов, казна приобрела для библиотеки Московского Публичного Румянцевского музея (ныне РГБ).

Настольная книга русского офицера «Руководство в отправлении службы чиновникам дивизионного генерал-штаба» (1811 г.) происходит из

библиотеки боевого генерала артиллерии Петра Михайловича Капцевича. В 1810 г. Петр Михайлович был назначен командиром 7-й пехотной дивизии, с которой отличился при Бородине.

А.А. Закревский, граф, военный и государственный деятель, генерал-адъютант, в 1812 г. находился в действующей армии. Принимал участие в Бородинском сражении в чине полковника. Библиотека А.А. Закревского включала чуть более 1 600 названий книг, преимущественно на русском языке.

Гербовый экслибрис А.А. Закревского можно увидеть на книге В.Ф. Малиновского «Разсуждение о мире и войне». (СПб., 1803. Ч.1-2.)

Особого внимания заслуживает редкий неизвестный суперэклибрис А.А. Гревса, отличившегося при Бородине в составе Кавалергардского полка в чине штаб-ротмистра. Он вытиснен на верхней переплетной крышке книги «Руководство к образованию кавалериста» (СПб., 1832 г.). На корешке инициал и фамилия: «А. Гревс». В центре геральдической композиции, заключенной в прямоугольную рамку, расположена восьмиконечная орденская звезда, окаймленная орденской лентой с равноконечным крестом в нижней части. Над звездой – корона. В верхней части на ленте девиз на английском языке: «*Vu Vertue and Honour*» («Верой и Честью»). Слева и справа – сабли, расположенные вертикально, эфесами вверх. На клинке сабли слева надпись на русском языке «За храбрость». В нижней части – наградные медали и кресты.

Суперэклибрис торжественно-символичен. Славное боевое прошлое владельца прочитывается на нем весьма выразительно. Подробное описание и воспроизведение суперэклибриса в Каталоге выставки, возможно, будет способствовать выявлению других книг Гревса.

На книге Н.А. Полевого «История князя Итальянского, графа Суворова Рымникского, генералиссимуса Российских войск...» (СПб., 1843) имеется экслибрис «Михаил Матвеевич Петров». В тексте встречаются также карандашные пометы, подписи под рисунками, вклеенные рукописные листы, а также комментарии к тексту (оценка тех или иных событий), что характеризует владельца, как незаурядного и неравнодушного читателя. Полковник М.М. Петров, участник кампании 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг., был автором воспоминаний «Рассказ служившего в 1-ом Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 г.». Первая полная публикация воспоминаний появилась только в 1991 г. в издании «1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея» (М., 1991).

На выставке представлены и книги из родовых библиотек, принадлежавшие двум известным дворянским фамилиям: Чертковым и Талызиным.

Участник Бородинского сражения А.Д. Чертков собирал книги и рукописи по истории, географии, статистике, экономике России, издал аннотированный каталог своей библиотеки. Каталог был переиздан в 1863 г. библиотекарем Чертковской библиотеки П.И. Бартевым. Библиотека была пожертвована г. Москве в 1871 г. его сыном Г.А. Чертковым. Впоследствии книги вошли в состав ГПИБ России (не полностью). Часть книг находится и в РГБ.

Семнадцатилетний Александр Талызин в 1812 г. состоял урядником

Московского ополчения. За отличия в Бородинской битве был пожалован в прапорщики. А.С. Талызин запомнился современникам своей общественной и благотворительной деятельностью в Москве и Бронницком уезде. Меньше известна другая страница его биографии. А. Талызин – библиофил, значительно пополнивший семейную библиотеку в селе Денежниково. Владельческим признаком этой библиотеки является тиснение золотом на корешке переплета «А.Т.».

Усадебная библиотека Талызиных разделила печальную судьбу многих дворянских библиотек. Некогда обширное собрание, включавшее «произведения всех классиков», ныне рассеяно по различным библиотекам и частным коллекциям.

Представленные на выставке материалы со всей наглядностью демонстрируют необходимость продолжить работу по реконструкции книжных собраний участников сражения, объединив усилия сотрудников библиотек России, в фондах которых имеются их книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Голованова. Т.П. М.Ю. Лермонтов // История русской литературы. В 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981. С. 441.

ⁱⁱ Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: Программы и их реализация // Бородинское поле: музей и памятник. К 165-летию основания Бородин. музея-заповедника. М., 2005. С. 7.

ⁱⁱⁱ Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года (Московская епархия) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всерос. науч. конф. Можайск, 2004. С. 215.

^{iv} Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля и развитие Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всерос. науч. конф. М., 2005. С. 35.

^v Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский // Русские писатели 1800–1917: биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. М., 1992. С. 281.

^{vi} Фридман Л.Г. От Бородина до «Бородина»// Бородинское поле: 1812 год в рус. поэзии. М., 1984. С. 14–15.

^{vii} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. С. 125, 530.

^{viii} Елисеев А.А. Орел над Кутузовым: Эпизод из истории Отечеств. войны // Эпоха наполеоновских войн: Люди. События. Идеи: Материалы 9-й междунар. науч. конф. М., 2006. С. 9–24.

^{ix} Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1870. Т. 3. С. 98–99.

^x Чичерин А.В. Ритм образа. М., 1973.

^{xi} В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 410.